

Сеймур оглянулся на нее, явно ожидая, что она укажет, какие предметы вызвали у нее интерес и заставив ее опустить свои глаза, очевидно, испытывая стыд за то, что позволила своему любопытству проявиться на ее лице.

“Тебе не кажется, что это одеяло довольно великолепно?”

“То, которое в клеточку? Выглядит тепло, но у нас дома уже есть одеяло, не так ли?”

“Эта промасленная ткань, которую ты называешь "одеялом", обычно описывается обществом как мусор”. Ее манеры были мягкими, но слова - острыми, как бритва. “Мистер Сеймур, прости, что заговорила об этом сразу после нашего предыдущего разговора, но давай купим красное одеяло.”

“Хорошо, но.....ты скоро отправишься в путешествие. Разве такое одеяло не будет трудно носить с собой? Оно выглядит довольно громоздким?”

Одеяло, сшитое из большого количества ткани, казалось достаточно большим, чтобы сойти за палатку. Даже в сложенном виде Луми, вероятно, было бы нелегко привезти его в какой-нибудь далекий город.

“Вообще-то, я бы хотела оставить его в гараже. Давай подумаем об этом как о хорошей возможности заменить то одеяло, хорошо?”

“В таком случае подойдет любой цвет, кроме красного. Этот ярко-красный цвет мне не очень нравится.”

Одеяло, в котором сочетались белый и жжено-коричневый цвета с ярко-красным, напоминающим пламя в камине, явно подходило для девочек. Луми, безусловно, сделала бы отличную фотографию, завернувшись в это одеяло, но Сеймур был уверен, что он просто выглядел бы нелепо в той же позе.

“Хм.....”

В ответ на слова Сеймура Луми подошла к магазину с задумчивым хмыканьем. Она взяла несколько одеял, разложенных на повозке, развернула их и посмотрела на них против света. Но, в конце концов, она схватила красное одеяло, на которое указала в самом начале.

“Нет, давай все-таки остановимся на этом”.

“Ты ужасна. Ты так сильно хочешь унижить меня?”

Когда Сеймур покачал головой и драматически поморщился, Луми рассмеялась с горловым

"Ньфуфу".

Она крепко прижала к себе одеяло, как будто хотела оставить на нем свой запах и улыбнулась еще шире.

"Я имею в виду, если это одеяло, которое ты определенно никогда не купишь для себя, ты всегда будешь вспоминать обо мне всякий раз, когда будешь им пользоваться, независимо от того, сколько времени пройдет, верно?"

Посмотрев некоторое время в ее золотистые глаза, Сеймур поднял руки, сдаваясь.

□ — □ — □□□ — □ — □

Был полдень, когда на следующий день он испуганно проснулся.

Гараж, который Сеймур называл домом, был основательно покрыт ржавчиной от соленого воздуха и скрипел при каждом движении. Визг затвора был особенно неприятен для слуха, а сам затвор выглядел так, словно в любой момент мог проиграть борьбу с коррозией. Короче говоря, даже малейшие движения привели бы к чудовищному количеству шума.

".....Крррр."

Это был тот самый знакомый металлический скрежет, который только что донесся до ушей Сеймура. Он узнал его даже сквозь дремоту, что вызвал его внезапное пробуждение.

Солнце еще не начало свой путь на запад. Вчера он работал всю ночь, поэтому сегодня проспал до рассвета. А потом кто-то открыл ставень.

Нет, это был не просто кто-то.

Это была Луми Спайк.

".....!"

Сеймур резко поднялся и открыл дверь "Эссекса", который недавно полностью превратился в его спальню. Поднявшись по лестнице на свой чердак, он обнаружил там только пустую кровать. Одеяло, которое они купили вчера вечером, тоже исчезло.

Он нырнул под полуоткрытую ставню и вышел наружу. Он мог только гадать, что заставило Луми выйти наружу.

Солнце было скрыто за густыми облаками и небо выглядело так, как будто в любой момент могло обрушиться мрачным удручающим ливнем. Что ж, по крайней мере, Сеймур мог быть уверен, что Луми не сгорит заживо на солнце. В то же время он посмотрел направо и налево. Он не знал, куда она ушла, но, несмотря на то, что сегодня было облачно, все еще был день. Он не мог поверить, что она зашла слишком далеко, когда риск появления солнца был так велик.

И затем, как только он догадался, куда она, вероятно, направляется, его уши уловили слабый плачущий голос.

“Сюда, да?”

За гаражом протекала широкая река. Берег реки, покрытый бетоном, тянулся все дальше и дальше в течение долгого времени. Кроме того, вдоль берега зияло множество высохших канализационных стоков.

Двигаясь на голос, Сеймур соскользнул вниз по бетонному склону к одному из выходов. Труба была достаточно большой, чтобы он мог пройти внутрь, если пригнетса. Внутри трубы, которая никогда не видела солнечного света, воздух был холодным, но сухим. И здесь он нашел Луми.

Он плохо видел в темноте, но никогда не мог спутать эти белые волосы ни с чем другим. Чтобы не прикасаться к куче гниющих листьев на дне, Луми прислонилась спиной к стене, ее позвоночник повторял изгиб стен, а голова свисала вниз. Красное одеяло полностью покрывало ее тело.

И, вдобавок ко всему, красные глаза. Белки ее глаз, но не зрачки, были налиты кровью. Ее глаза были ужасно опухшими; очевидно, она плакала довольно долго.

“.....”

Сеймур хотел что-то сказать, но в конце концов просто приблизился к ней, не говоря ни слова. Несмотря на то, что он знал, что это будет тесновато, он попытался отразить ее и прислонился к стене канализации. На самом деле было довольно успокаивающе чувствовать, как прохладный бетон впитывает тепло его тела сразу после пробуждения.

“Чем ты занимался?”

“Кошки - это...”

“Кошки?”

Внимательно посмотрев дальше в канализацию, он заметил нескольких кошек. Мать свернулась калачиком вокруг нескольких сосущих котят. Котята вытянули лапы, отчаянно зарываясь головами в живот матери.

“Они милые, не так ли?” - сказала Луми, расплываясь в улыбке.

Это дало Сеймуру пищу для размышлений.

Качество молока у кошки-матери различается в зависимости от расположения соска. Короче говоря, котята там борются за свою жизнь. Они дерутся и соревнуются за лучшие места для получения молока. Это выглядит мило только потому, что она смотрит на это человеческими глазами.

Даже человек, который не одобряет мафиозные перестрелки, которые, по сути, сводятся к той же битве не на жизнь, а на смерть, в которой сражаются кошки, может улыбнуться при виде кормящей кошки. Разница между кошками и людьми, этими двумя существами, заключается в том, что одному из них позволено смеяться над отчаянной борьбой другого за жизнь.

Сеймур задумался, стоит ли ему поднимать эту философскую тему, но воздержался. Кроме того, он знал, что она все равно пришла сюда не для того, чтобы навестить кошек.

“Чем ты занимался?”

Когда он повторил свой вопрос, на ее глаза упала тень.

“.....Мне очень жаль. Иногда я чувствую себя одиноко.”

Независимо от того, как весело она обычно смеялась, Луми все еще была девочкой, которая совсем недавно потеряла свою мать и которую преследовала мафия. Возможно, Луми провела много таких пасмурных дней, а Сеймур просто не осознавал этого.

“Я притворюсь, что не слышал первой части. Я понимаю вторую часть, хотя и не могу сказать, что понимаю ее.”

“Разве здесь не холодно?”

“Интересно”.

“Здесь холодно, верно?”

Луми говорила так, словно пыталась убедить в этом саму себя, а не задавала вопрос Сеймуру и

сделала два шага, чтобы сократить расстояние между ними. Затем она обняла тело Сеймура, завернув его вместе с собой в красное одеяло.

Тела Сеймура и Луми касались друг друга под куском ткани. Ночная рубашка Луми была простой, а предплечья обнажены. Сеймур на мгновение задумался, стоит ли ему указывать на то, что ее тело дрожало.

В конце концов, он просто сказал: “Да, холодно”.

Воцарилась тишина.

Если она будет бездельничать в таком месте, как это, рано или поздно выглянет солнце, и вернуться в гараж будет невозможно.

Сеймур проанализировал ситуацию таким образом, но сейчас все это не имело значения. Он схватил ее за руку, чтобы заверить, что останется с ней и ей не нужно беспокоиться. Он сжал ее пальцы, чтобы унять дрожь.

Возможно, он сжал ее слишком сильно, так как Луми дернулась от силы, но она не пыталась стряхнуть его руку.

Ее дыхание выходило из нее белыми облачками.

“Я чувствую себя самой одинокой, когда сплю. Даже сны больше не посещают меня по ночам.”

“Ты не чувствуешь себя одиноко, потому что видишь сны о том, что ты потеряла?”

“Нет, я одинока, потому что я даже не могу больше видеть то, что потеряла во сне”.

Забывать и двигаться дальше; эти два понятия необходимы, если вы хотите продолжать жить. По крайней мере, таково было представление Сеймура об утешении, в то же время смеясь над собой за то, что он такой большой лицемер.

Он сосредоточился на ее медленном, нежном пульсе, который бился сквозь их переплетенные пальцы.

“Эмм, мистер Сеймур.” С шорохом приподняв одеяло, Луми спрятала большую часть своего лица. “.....Не мог бы ты переспать со мной?”

Сеймур рефлекторно истолковал более глубокий смысл ее слов. И как раз в тот момент, когда

он пытался понять, как расшифровать ее мотивы, прежде чем согласиться на что-либо, Сеймур осознал тот факт, что он действительно серьезно обдумывал эту идею — удивительно, но это так.

“Я бы действительно предпочел, чтобы ты не слишком испытывала пределы моего самоконтроля. Возможно, ты просто просишь плюшевого мишку, чтобы он защитил тебя от одиночества, но я стану живым медведем, если меня подтолкнуть, понимаешь?”

Кончики ушей Луми, выглядывающие из-под одеяла, стали ярко-красными. Очевидно, она очень живо представляла себе, что это влечет за собой.

Конечно, она, вероятно, не подумала об этом, когда приглашала его. Или, скорее, его слова, как правило, были немного слишком прямыми для такой невинной девушки, как она. Как раз в тот момент, когда он собирался забрать их обратно, пока между ними не стало слишком неловко, Луми опередила его.

“.....Е-если это н-немного, я н-не против, хорошо?”

Как далеко это значит "совсем немного"?

Сеймур сделал все возможное, чтобы проглотить те слова, которые едва удержались от того, чтобы сорваться с его губ. Ему казалось, что он по-настоящему навредил бы их отношениям, если бы высказал эту мысль. Он каким-то образом удержался от того, чтобы не проследить глазами линию тела Луми.

Сеймур покачал головой.

“Лучше немного завязать с этим делом”.

“Т-ты прав...Я думаю. Т-ты бы не х-хотел сделать ч-что-то подобное с кем-то вроде меня, не так ли?”

“Здесь дело не в этом”.

Он посмотрел на внешний мир, очерченный кругом канализационной трубы. Несмотря на то, что это место ни с какой натяжкой нельзя было назвать санитарным, пейзаж снаружи с одним многоэтажным зданием, расположенным вплотную к следующему, казался ему намного грязнее.

“Как мне это описать? Я могу напасть на кого угодно, но для меня ты единственный человек, который имеет неотъемлемую ценность”.

“Неотъемлемая ценность?”

Ужасно смутившись, Сеймур быстро добавил: “Это просто означает, что я тоже хочу время от времени вести себя круто”.

Он наклонился вперед и оттолкнулся от стены. Поскольку их руки все еще были связаны, Луми тоже последовала за ним, когда он потянул. Они начали неуклюже идти, стараясь не упасть, так как оба все еще были завернуты в одеяло.

“Если тебе будет одиноко, я буду держать тебя за руку, пока ты не заснешь. По крайней мере, в этом я могу пойти на компромисс.”

Некоторое время Луми выглядела скептически, но в конце концов сумела улыбнуться. Это выглядело намного злее, чем обычно, но все равно очень мило.

“Думаю, у меня нет выбора. В обмен, пожалуйста, крепко держи меня за руку, хорошо?”

□ — □ — □□□ — □ — □

“Я думаю, что в основном я решил эту проблему” - пробормотал Сеймур, глядя на заметки, разбросанные перед его глазами.

В них содержалась информация, которую он собрал за несколько дней. В них были указаны нынешние владельцы его визитных карточек и люди, которым владелец карточки дал номер телефона Сеймура.

Конечно, это было не так, как если бы он знал местонахождение всех своих визитных карточек, даже если бы их было всего сотня. А учитывая, что его номер телефона также передавался из уст в уста, он никак не мог вычислить всех людей, которые знали о курьере Сеймуре Роаде.

Однако здесь ему уже было с чем поработать. Сеймур протянул руку, сортируя информацию в своей голове. Он схватил чашку, наполненную горячим шоколадом, от которого все еще шел легкий пар.

С самого детства он любил пить горячий шоколад. Единственное, что можно было бы истолковать как приготовление пищи в его повседневной жизни - это то, как он тщательно готовил горячий шоколад и добавлял в него толченый кардамон.

“Мхм, отлично”.

Он еще глубже погрузился в свои мысли, когда сладость распространилась по его языку.

У всех пяти крупных мафиозных семей были обнажены кинжалы. Конечно, вопрос о том, были ли они в хороших отношениях в глазах общественности, был обоснованным, но на самом деле все они находились в конфликте.

Таким образом, информация Сеймура не содержала ничего, кроме слухов. Для Сеймура было легко быть рекомендованным в рамках одной мафиозной семьи, но, естественно, его информации было трудно распространяться среди разных семей.

Другими словами, было достаточно иметь несколько образцов.

Поскольку он примерно помнил объем работы, которую он проделал для каждой семьи до сих пор, он также мог представить, как распространилась информация о нем. Число мафиозных семей, предложивших Сеймуру работу, составляло одну или две, но определенно не более трех.

Когда он отследил местонахождение визитных карточек, только некоторые из них были связаны с мафией. Если бы он знал, к какой семье принадлежат его клиенты, он мог бы исключить некоторые семьи из списка людей, которые могли бы преследовать Луми.

“У меня есть связи с Семейей Крови и Семейей Моллини”.

Впервые он понял, кто был источником его работы. Он также предположил, что человек, похожий на волка, неизбежно будет принадлежать к одному из этих двух семейств.

Сеймур мысленно представил карту этой страны, заставляя себя не вспоминать ее, чтобы сразу же забыть. Конечно, он не знал планировку страны так подробно, как город, но он смутно представлял, какие города находятся вне сферы влияния этих двух семей, в то же время находясь близко к океану.

“Хм”.

Но он немедленно остановил этот ход мыслей. Лично он был бы не против выбрать одно место сейчас, но подумал, что, возможно, будет лучше сделать это после обсуждения вариантов с Луми. Они могли бы в конечном итоге прийти к одному и тому же выводу в любом случае, но именно по этой причине использование этого метода имело бы большее значение.

В этот момент он почувствовал, как Луми зашевелилась на чердаке.

“.....!”

Сеймур поспешно встал, одним глотком проглотил горячий шоколад и закинул чашку в

раковину в углу гаража. В то же время он использовал левую руку, чтобы бросить какао-порошок и кардамон в ящик для инструментов.

Как только он взял кофейный порошок, лицо Луми высунулось из чердака.

“Доброе утро”.

“Доброе утро. Тоже хочешь кофе?”

Сеймур приветствовал ее обаятельной улыбкой, стараясь не выдать ни малейшего намека на то, что всего несколько секунд назад наслаждался сладостью своего горячего шоколада.

Он не мог толком объяснить почему, но ему казалось, что парень, который сам работал курьером и жил в таком месте, как это, выглядел бы менее круто, если бы его застукали за привычным употреблением горячего шоколада. По этой причине он всегда - даже до того, как Луми начала жить здесь - пил свой горячий шоколад несколько украдкой. Во-первых, она даже не знала, что такой сладкий напиток был спрятан в гараже.

“Тебе сегодня приснился хороший сон? Кроме того, я буду его варить. Иначе я бы чувствовала себя неловко из-за того, что так много тебе навязываюсь.” Луми легко спустилась по лестнице, к чему она уже привыкла.

Это был факт, что кофе, который она старательно готовила, был определенно вкусным – или, скорее, Сеймур на самом деле не очень любил кофе, поэтому он с готовностью уступил ей эту задачу.

Сеймуру больше нечего было делать, поэтому он направился к ставню, подняв ее ровно настолько, чтобы пригнуться и не пропускать солнечный свет к Луми.

“О, для меня сегодня есть газета?”

Сирота по имени Бен, живший по соседству, оставлял газету рядом с его гаражом в те дни, когда ему удавалось ее найти. В качестве благодарности Сеймур бросал несколько монет в старую чашку перед своим гаражом. Рано или поздно Бен придет и заберет чашку.

Просматривая газету в ожидании кофе, он неуклюже сунул сигарету в рот. Держа газету одной рукой, другой он нащупал спички.

“_____”

В этот момент Сеймур увидел это. Спички выпали из его руки и кусок дерева, который минуту назад ярко горел, стал черным и грязным, как только коснулся земли.

Его сердце колотилось так, как ему это совсем не нравилось.

“————— Это...”

На первой полосе газеты сообщалось о смерти одного человека. Человек, которого вчера обнаружили убитым, теперь был не более чем чередой персонажей в сегодняшней газете.

Айзек Найджел. Этот человек, по-видимому, был членом высшего эшелона Кровавой Семьи и был известен тем, что в молодости был ястребом. В эти дни он оказывал свое влияние на город из нераскрытого места.

Сеймур только что узнал всю эту информацию. Имя и карьера этого человека были тем, о чем он впервые узнал из этой статьи. Новость о его смерти, очевидно, была напечатана в большой спешке; в ней даже не было фотографии покойного. Поскольку газеты всегда были полны сообщений о смерти незнакомых людей, сама смерть не привлекла внимания Сеймура. И дело было не в названии.

Так совпало, что на первой странице также была фотография места убийства, другими словами, дома Айзека Найджела. Конечно, труп уже вынесли, и все, что вы могли видеть на фотографии - это мебель, кровь и разбросанные повсюду мелкие предметы. Среди хаотично разбросанных аксессуаров была упаковка сигарет.

"Toi Mo"

Сеймур видел название бренда на упаковке сигарет. Он был такого ярко-синего цвета, что выделялся даже на монохромной странице. Это была довольно характерная упаковка и в ней также были сигареты, которые всегда доставлял Сеймур.

Марка была настолько необычной, что ее даже не было в списке магазинов.

"Не понимаю". Неосознанно Сеймур произнес это вслух. "Не понимаю, не понимаю".

Сеймур только недавно узнал, что он часто получал задания от Семьи Крови. Сеймур получил эту работу, когда только начинал работать курьером и доставлял их в течение длительного времени. Он совершенно отчетливо помнил, что в этих упаковках были ценные сигареты под названием "Toi Mo".

И прямо сейчас человек из мафии, который курил эти сигареты, превратился в слова на газете в руке Сеймура.

Его прошиб холодный пот.

“Не понимаю, не понимаю, не понимаю, не понимаю, не понимаю”.

Он был мафиози, которому все время удавалось скрываться. И все же он внезапно умер.

Кто-то раскрыл его местонахождение. "Тоi Мо" - это марка сигар, которая нравилась Айзеку Найджелу. Это была одна из очень немногих точек соприкосновения между миром и скрывающимся человеком.

Что касается тех, кто знал бы об этом факте, то сам Сеймур был бы самым первым в списке. Курьер, который принес сигареты человеку, о котором идет речь.

И следующим человеком будет девушка, которая недавно начала сопровождать этого курьера на его работе после того, как переехала к нему жить.

".....гх!"

Когда он попытался открыть ставень, Сеймур поскользнулся и ударился о него плечом. Ржавый металл громко скрипел и лязгал. Не обращая внимания на боль, он встал на подвернутую ногу и открыл ставень.

“А? Мистер Сеймур?”

Луми держала в руках две чашки в гараже. Ее обычная, нежная улыбка на губах озаряла помещение. Стояла она там с прямой спиной. Ее хрупкие руки и ноги убедили бы любого, что она совершенно неспособна к насилию. Ветер, дувший в гараж через открытые ставни, развеивал ее серебрянные волосы.

Луми прищурила глаза. Возможно, из-за внезапного порыва ветра, или, может быть, потому, что она увидела газету в левой руке Сеймура. Она в замешательстве наклонила голову, не подавая никаких признаков того, что знает, о чем говорилось в статье на первой странице.

Ее красивая шея была соблазнительно обнажена. А потом ее улыбка стала шире. Расширяясь, расширяясь, расширяясь, как будто разрывая ее щеки на части. Медленно, но отчетливо губы Луми произносили теплые слова.

“Итак, тебе удалось увидеть приятный сон?”